

МЕЩАНСКАЯ СОСЛОВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «В ПЛЕНУ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ

© 2012 З.М. Кобозева

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 30.01.2012

В данной статье анализируется вопрос о влиянии терминов на процесс исторического познания. Рассматривается проблема сословно – классовая парадигма в истории социальной жизни России императорского периода и её воздействие на процесс изучения сословного самосознания мещанства. Ключевые слова: история понятий, мещанство, сословие, класс, общественное самосознание.

*«Нам не дано предугадать
Чем наше слово отзовется».
Ф. Тютчев*

Сословия в Российской империи прекратили существование в 1917 году. Пройдя свой путь исторического развития в качестве образований, законодательно обоснованных властью, они сформировали у людей, чья жизнь была очерчена правилами сословного поведения, определённую идентичность, некое внутреннее состояние, обыденное сознание, ментальные представления, символические системы, психологические установки, стереотипы восприятия и модели поведения.¹ Настаивая на взгляде «на прошлое с точки зрения самих действующих в нём лиц»,² нам видится необходимым производить реконструкцию мещанской картины мира, характерной для данной человеческой общности, без акцентирования внимания на классовой природе процессов, протекающих в ней. С точки зрения представлений мещан о социальной иерархии и своём месте в ней, пусть и с постепенным ослаблением данных импульсов в их среде к 1917 году, в городской среде сохранялась сословная идентичность. Б.Н. Миронов в своей монографии по социальной истории России исходит из того, что «исследователи различных методологических ориентаций признают наличие в России XVIII-XIX вв. сословного строя, хотя многие говорят о его искусственности и принципиальном отличии от западноевропейской модели. Поэтому, а также в силу того, что русское законодательство признавало существование сословий, а массовое сознание признавало сословную парадигму, анализ социальной структуры целесообразно проводить именно в сословном разрезе».³

Сложности изучения мещанской идентичности во многом определяются особенностями

ценностной иерархии, принятой в российском образованном обществе, неизбежно низводящем вещный мир в низшую категорию бытия. Картина мира людей, весь стиль жизни которых определялся мелочной торговой рутинной, хозяйственными интересами и городским семейным бытом, оказывалась вне дискурса «буревестников» с их высокими духовными порывами и интеллектуальными рефлексиями и посему низводилась до оценочной характеристики «мещанского» типа поведения, «мещанского» склада личности. Кроме того, социальная история мещанства оказалась в плену смены научных парадигм с их концептуальным аппаратом, методологическим оснащением, эпистемологической базой и исследовательской технологией. Усложнение понятийного аппарата вследствие увлечения историков XIX в. экономической историей, стремление к созданию тотальной модели объяснения общества привели к появлению проблемы так называемой «сословно-классовой парадигмы» в объяснении социальной истории России. Начиналось всё с широкого введения в научный оборот понятия «класс» либеральной интеллигенцией⁴ и попытками объяснить структуру общества в классовых терминах историками государственной школы.⁵ Согласно марксистской теории, индивидуумы принадлежат к классу в силу своего социально-экономического положения и отношения к средствам производства.⁶ Ш. Фицпатрик при анализе социальной картины советской России в 20-30-е гг. XX в. выдвигает концепцию так называемого «приписывания к классу» как «причудливого сочетания двух несовместимых понятий – «приписанного» социального статуса и класса в его марксистском понимании»,⁷ «детисем процедурой приписывания к классу и марксистской концеп-

*Кобозева Зоя Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории.
E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru*

ции класса стал феномен социального клейма».⁸ Заимствуя данную модель процедуры создания марксистской историографией «опальных» классов, можно объяснить и длительное отсутствие интереса в отечественной историографии к истории мещанского сословия. Для таких социальных групп, чья природа не имела ярко выраженной классовой принадлежности, вводилось понятие «класс-сословие».⁹

Лингвистически марксистскому понятию «класса» предшествовало широкое бытование в русском языке данного термина в исходных этимологических значениях, производных от латинского *classis*: разряд вещей, явлений, объединённых по каким-либо признакам. В источниках XVIII в. понятие «класс» встречается в нескольких контекстах: в значении «групп»;¹⁰ в социальном плане как «крупное социальное подразделение людей (по имущественному, родовому, профессиональному и др. признакам)»;¹¹ в значении «кто-либо первого класса», «выдающегося по своим достоинствам»;¹² в научной классификации¹³ и для обозначения подразделений, объединяющих учеников одного года обучения, и в значении «уроков».¹⁴ Таким образом, во всех вариантах объединяющим было первичное этимологическое значение: разряд явлений, объединяемых по каким-либо признакам. В XIX в. по мере распространения марксистской классовой теории термин «класс» стал рассматриваться в социально-экономической системе координат. На рубеже XIX-XX вв., как считает Ш. Фицпатрик, «в просвещённых кругах считалось само собой разумеющимся, что сословная система скоро полностью отомрёт...и...на смену ей придёт современное классовое общество, построенное по западному образцу».¹⁵

В историографии советского периода непреложность таких концептуальных истин, как классовая природа исторических явлений и диалектика классовой борьбы, создавали настолько жёсткую схему, что сословной системе социальной классификации практически не было места в этой революционной сортировке общества. В этом отношении заслуживает внимания статья М.Т. Белявского, опубликованная в «Вестнике Московского университета» в 1970 г. как пример попытки отстоять сословный принцип социальной стратификации, вписав его в дискурс ленинских трудов. Хронологически проблема очерчивалась периодом феодализма. Анализируя дореволюционную историографию по данному вопросу, автор отмечал, что советская историческая наука «решительно выступала против таких концепций»¹⁶ (рассмотрение проблемы сословий, их прав, привилегий, обязанностей и повинностей, их соотношение с обще-

государственными интересами и условиями развития страны),¹⁷ сосредоточила своё внимание на «вопросах истории базиса, на истории формирования и развития феодально-крепостнических отношений, на раскрытии классовой природы и политики феодального государства на разных этапах его развития, на наиболее важных формах и проявлениях классовой борьбы и ее роли в эпоху феодализма».¹⁸ За подобным идеологически правильным «фасадом» статьи автор неожиданно делает «пассаж» в защиту «надстройки». Он пишет, что роль надстройки, событий в общественно-политической и духовной жизни оказалась нераскрытой. «Марксистско-ленинская теория исходит из того, что социально-экономический базис является определяющим, но определяющим лишь в конечном счете, ... его влияние прокладывает себе дорогу через путаницу самых различных политических, юридических, идеологических процессов, явлений и событий, ... надстройка и порожденные ею явления и учреждения оказывают огромное, а временами даже решающее влияние на развитие базиса».¹⁹ Далее М.Т. Белявский обращает внимание на тот факт, что в советской учебной и монографической литературе «о сословном строе, его чертах, месте и роли сословий в феодальном обществе», об их «отношении с классами» – ничего не говорится.²⁰ Напомним, что рассматриваемая статья появилась в эпоху тотальной идеологической унификации исторической науки и господства классовой теории. В целом Белявский высказал в 1970 г. ту же мысль, которая сохраняется и в современной историографии, а именно: в России «сословный строй сложился позднее ... сложились иные сословия ..., чем на Западе, ... оформление сословного строя пришлось на этап вступления феодализма в стадию разложения ... основные черты сословного строя сохранялись и в период перехода страны в стадию империализма».²¹

В статье 1986 г. о документировании сословной принадлежности в царской России А.В. Елпатьевский в отношении классовой сущности России писал: «Русское самодержавное государство на протяжении двух столетий до своего падения было классовым государством дворян-землевладельцев».²² Так как автор в дальнейшем собирался писать об источниках документирования не классовой, а сословной принадлежности в «царской России», он предпринимает следующий теоретический пассаж: «Вместе с тем, как указывал В.И. Ленин, «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии»». В значительной мере эти самостоятельность и независи-

мость правительства базировались на сословном характере государства, на разделении общества на неравноправные, но взаимосвязанные группы-сословия».²³ И далее: «Царская власть и весь её бюрократический аппарат были органически заинтересованы в сохранении стабильности существующих сословий. Отсюда было естественным особое внимание самодержавной власти к вопросам регламентации жизни сословий, к сохранению и обеспечению сословных взаимоотношений внутри государства».²⁴ Таким образом, с точки зрения автора, сословия выступали как часть охранительной функции, выполняемой самодержавием по консервации «феодално-крепостнического режима». С другой стороны, в условиях идеологического контроля над советской исторической наукой общетеоретические марксистско-ленинские построения не умаляют конкретно-исторического содержания статьи.

Одно из последних фундаментальных исследований, посвященных сословно-классовой парадигме, – монография Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословно-классовая структура России в конце XIX-начале XX века». Авторы исходят из того, что «сословный признак был основным при характеристике социальной структуры общества»,²⁵ а в становлении классов видят признаки индустриального общества. Фактически в монографии понятия «сословие» и «класс» применительно к дореволюционному периоду российской истории существуют на паритетных началах. Данное фундаментальное исследование, написанное в традиционном для отечественной историографии ключе, в принципе, на наш взгляд, не ставит своей задачей некое концептуальное самоопределение в отношении данных терминов.

Проблеме сословной природы мещанства посвящена статья современного исследователя А. Каплуковского (A Social Phantom: Meshchanstvo in Social-Cultural Context of late Imperial Russia).²⁶ В статье верно расставляются приоритеты, с помощью которых следует разрабатывать с позиции современной историографии вопрос о специфике российской сословности: это и проблема «релевантности сословной парадигмы для реконструкции социальных идентичностей и самоорганизации позднеимперского общества»,²⁷ это и путь использования достижений *Begriffsgeschichte* для исследования «отражения мышления и культурных практик исторических эпох в неких ключевых терминах».²⁸ Особенно ценным выглядит замечание А. Каплуковского о том, что «для реконструкции модусов социальной интеракции и структурирования в поздней российской империи явно недостаточно привлечения одних законодательных и словарных статей или ссылок на полемические

тексты славянофилов и большевиков без одновременного обращения к массовому языку эпохи, а также к практикам конкретных сословных групп».²⁹ Вполне правомерен вывод А. Каплуковского о том, что «подавляющая часть «состояний» или «сословий» со времен петровских реформ представляла собой налоговые категории и институты государственного социального контроля».³⁰ Однако словосочетание «этноконфессиональные «гетто», на наш взгляд, невольно отсылает автора в «лагерь» этатистки настроенных исследователей, представляющих социальную жизнь России исключительно в качестве государственно смоделированного конструкта.

Среди современной англоязычной историографии, рассматривающей проблему сословно-классовой парадигмы в России,³¹ следует отметить статью Д. Филда о социальных представлениях в дореволюционный период и монографию Э. Виртшафтер о социальных структурах, так как в отличие от других авторов, занимающихся в большей степени анализом самой модели российской сословности как государственного конструкта («осадочное» общество А. Рибера и «сословно-классовая парадигма» Г. Фриза), данные исследователи видят ключ к пониманию социальной стратификации России через самоидентификацию групп.

Сам термин «сословие», безусловно, принадлежит законодательному дискурсу. Определённый слой населения в Российской империи законодательно был помещён в рамки сословного существования со всеми вытекающими последствиями: обязанностями и правами, выразившимися в поведенческих практиках и сформировавшими сословную психологию. По материалам фонда Самарской городской Думы, в котором содержатся в основном документы, касающиеся лиц мещанского сословия, их многочисленные обращения «во власть» о своих насущных проблемах, видно, что в данном диалоге горожанин определяет себя именно как представитель того или иного сословия, в нашем случае «мещанин», и сохраняет верность этому принципу до 1917 г. Делопроизводственная бумага, по устоявшемуся мнению, в отличие, скажем, от документов личного характера, лишена эмоциональных импульсов и не иллюстрирует рефлексию пишущего. Тем более что большинство бумаг от мещан в 50-60-е гг. XIX в. написано «по поручению» в силу безграмотности многих представителей этого слоя. Насколько для исследователя возможно усмотреть «чужую одушевлённость» в такого рода источниках, особенно что касается рефлексии в отношении социальной самоидентификации, вопрос спорный. «...Наблюдать саму чужую душевную жизнь мы

не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть объективным обнаружениям...».³² Проблеме того, как историку изучать «чужое Я», посвящена статья М.Ф. Румянцевой.³³ Анализируя концепции различных мыслителей в этом вопросе, М.Ф. Румянцева завершает статью констатацией того, что «в отличие от художника» учёный «обязан раскрывать свою «творческую лабораторию», мировоззренческие и психологические основания...обязан предъявить своё уже отрефлексированное «Я»».³⁴ При работе в архиве с делами определённого рода у исследователя возникает ощущение внутреннего диалога с людьми, которые оставили данное «материальное обнаружение» и исследовательская интуиция подсказывает их психологические переживания в ситуации, сопутствующей возникновению данного документа. Заметим, что А.С. Лаппо-Данилевский, не отрицая «роли интуиции в процессе воспроизведения «чужой одушевлённости», считал, что интерпретация как исследовательская процедура понимания «Другого» «...возникает применительно к тем сложным объектам, психическое значение которых не дано в чувственном восприятии наблюдателя, а конструируется им и сознательно прилагается при какой-либо задержке или сомнении в их понимании...».³⁵ Тем не менее остаётся актуальной проблема, насколько правильно мы опознали по внешним проявлениям состояние душевной жизни исторического лица и насколько корректно использовать исследовательскую интуицию по аналогии со своей рефлексией в отношении человека другой эпохи в границах исторического познания. С другой стороны, если мы закроем для себя как вариант исследовательских практик эту своего рода «межкультурную коммуникацию» между историком и его «героем», то применительно к такому «не эпистолярному» сословию, как мещанство, утратим возможность вообще понять его мышление и интеракции. Основной массив мещанских обращений в «Градскую» Думу относится к 50-60-м гг., с 1870 г. такого рода документация перекачивается в Городскую Управу. Но если в рамках данной статьи обращаться именно к делам фонда Городской думы, то, прослеживая во времени до 1917 г. мещанскую самоидентификацию, заслуживают внимания формулярные списки о службе гласных.³⁶ Несмотря на то, что в официальных бумагах продолжала указываться сословная принадлежность людей, создаётся впечатление, что данная графа для самих горожан не только не являлась исключительно формальной пометкой, но и выступала в качестве своего рода знака социального отличия или даже некой социальной гордос-

ти. Статус «мещанин» включал в себя разных людей. Собственно так же, как и среди русского дворянства встречались дворяне-однодворцы, о которых пишет Терпигорев в «Потревоженных тенях», которые больше походили на кучеров, провинциальные Мишуки Нальмовы из «заволжских» рассказов А. Толстого и т.д., то есть персонажи, не вписывающиеся в тип. Так и среди мещанства было достаточно асоциальных, девиантных личностей или персонажей так называемого горьковского «дна». Но, на наш взгляд, в городском пространстве начала XX в. начинает доминировать некая сословная респектабельность: владение домом, хозяйственная, торговая, общественная деятельность. Даже если человек поднимался по общественной лестнице, к примеру, становился почётным гражданином или купцом, сословное происхождение воспринималось как фактор личностного роста. «Приписывание» к сословию в дореволюционной городской жизни не несло в себе характера закрепощения личности. Сословный статус был своего рода свидетельством приобщения индивида к корпоративной городской культуре, подтверждением его благонадёжности в городском сообществе. С другой стороны, вполне вероятно, что и это сословное самочувствие являлось вариантом «тонкого принуждения», когда власть захватывала «тело индивида» «на уровне самой механики – движений, жестов, положений, быстроты», это и «экономия, эффективность движений, их внутренняя организация», и, наконец, «модальность», подразумевающая «непрерывное, постоянное принуждение... практически... (разбивающее)... на клеточки время, пространство и движения».³⁷ Как бы то ни было, механизм взаимодействия власти и сословия приблизительно был уравновешен. Однако в России всегда было слишком много сил, ожидавших убыстрения ритма жизни (в споре традиционалистов и новаторов XVII в. Аввакум называет таких «зверь рыскачий»), изменения чужого сословного самосознания. Так, у М. Горького в «Фоме Гордееве» встречаем метафору: «На всём вокруг лежит отпечаток медлительности; всё – и природа и люди – живёт неуклюже, лениво. – Но кажется, что за ленью притаилась огромная сила – сила необоримая, но ещё лишённая сознания... И отсутствие сознания в этой полусонной жизни кладёт на весь красивый простор её тени грусти».³⁸

Сословное мещанское самосознание в России императорского периода эволюционировало вместе с модернизационными процессами, происходящими в стране, в сторону индивидуализации и профессионализации, становясь знаком респектабельности и отвечая этике делового горожанина, *self-made individual*.

Таким образом, можно констатировать, что понятие «мещанство» как феномен масштабных социальных взаимодействий не ограничивается узко классовой или сугубо сословной трактовкой, а выходит далеко за рамки этих двух социологических сегментов, приобретая несомненный статус самостоятельного культурологического и цивилизационного объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С.28.
- ² Там же.
- ³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 2003. С.78.
- ⁴ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С.176-177.
- ⁵ Леонтьева О.Б. Становление классово-сословной парадигмы в общественной мысли XIX века // Проблемы российской и социальной истории. Самара, 2011.
- ⁶ Лидденс Э. Социология. Изд. 2-е. М., 2005. С.251.
- ⁷ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» ... С.176-177.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Белявский М.Т. Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия 9: История. М., 1970. №2. С.68-72; Преображенский А.А. Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.69-72.
- ¹⁰ Учен. расс. I 6; Бильф. 290; МАНН I 17 ПЭ I 99; Дшк. Англ. Пут // Словарь русского языка XVIII века. С.48.
- ¹¹ Трт. 1765 14; Приб. МВ 1784 149; ТВЭО L 266 ; Жильблз III 375; АВ XIII 145 // Там же.
- ¹² АВ XIII 145; СПб. вестн. I 87 // Там же.
- ¹³ Линней 171; Монтель 104 // Там же.
- ¹⁴ Монтель 104; ПСЗ XXV 264 // Там же.
- ¹⁵ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу»... С.176-177.
- ¹⁶ Белявский М.Т. Классы и сословия феодального общества... С.66.
- ¹⁷ Там же. С.65.
- ¹⁸ Там же. С.66.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ Там же. С.67.
- ²¹ Там же. С.79.
- ²² Елпатьевский А.В. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII-начало XX в.) // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1984. М., 1986. С.34.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX-начале XX века. М., 2004. С.217.
- ²⁶ Kapfunovski A. A Social Phantom: Meshchanstvo in Socio-Cultural Context of Late Imperial Russia // Ab Imperio. Kazan / University Mainz Germany // <http://abimperio.net/portal/outreach/AKberlin.pdf> (дата обращения 6.12.11).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000; Филд. Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917. СПб., 1992; Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002; Rieber A. The Sedimentary Society / Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton (New Jersey), 1991.
- ³² Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: Новый психологический закон в связи с вопросом возможности метафизики. СПб., 1892. С.3.
- ³³ Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2010. С.19-36.
- ³⁴ Там же. С.36.
- ³⁵ Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I- II. СПб., 1910-1913. С.409 // Цит. по: Румянцева М.Ф. «Чужое Я». С.32.
- ³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1038.
- ³⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. // http://www.gumer.info/_bibliotek_Buks/History/Fuko_Turm/05.php (дата обращения 13.01.2012).
- ³⁸ Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т.2. М., 1979. С.26.

THE ESTATE IDENTITY OF «MESCHANSTVO» IN CAPTIVITY OF THE INTELLECTUAL CONSTRUCTS

© 2012 Z.M. Kobozeva

Samara State University

The article provides the analysis of the influence of concepts on the historical cognition. The attention is focused on the role of the estate-class paradigm in studying of the social history of the imperial Russia; the author claims that the mentioned paradigm strongly influenced the studying of the development of the meschanstvo's social self-consciousness.

Key words: the history of concepts, meschanstvo, estate, class, social consciousness.